

Заметки о саамском народном творчестве

В. У. Плюгин,
искусствовед

Об истории саамов известно и написано немало: изучается язык народа, его фольклор, художественная культура, однако в лабиринте исследований до сих пор осталась островок, куда практически не заглянула научная мысль. Это сердцевина лабиринта — материальная культура саамов.

Чтобы понять сложившуюся ситуацию, необходимо хотя бы коротко обратиться к концу XIX века, когда на землю, где исстари жили саамы, ступили коми-ижемцы. Совместные занятия оленеводством, рыболовством и охотой, просто бытовое сосуществование не могли пройти бесследно для этих народов. Под влиянием коми саамы видоизменили построение своей ку-

ваксы (жилища) — она стала выше, вместительней, обрела новое название — чум. Одновременно же началось исчезновение типично саамского средства передвижения — кережи — с одним оленем в упряжке. Нарты выгодно отличались простотой изготовления.

Саамы охотно сменили национальную шубу-печек на малицу коми. На смену саамской обуви — ярам и каньгам — пришли пимы и бурки.

Но зададимся вопросом: утратила ли культура саамов свою национальную самобытность, заимствуя пусть даже лучшие образцы другой культуры? Нет. Потому что, сохранив свою основу, она продолжала

жить и развиваться, неизменно, от поколения к поколению, обогащая традиции, опыт, навыки народных ремесел.

К сожалению, эта сторона жизни саамского народа не получила должного внимания исследователей. Даже в известном труде Н. Харузина «Русские лопари» из такого представляющего широкий интерес направления художественного творчества, как вышивка бисером, мы находим лишь шесть иллюстраций. В музеях Ловозера и Мурманска представлены предметы, рожденные культурой коренного населения края, однако закономерности развития этой культуры нередко остаются в тени.

Была ли у саамов чеканка?

На одном из занятий мальчик, саам по национальности, спросил меня, была ли у саамов чеканка, а если была, то почему мы в большинстве своем берем за основу рисунка мотивы известных кавказских мастеров?

Признаюсь, в ту пору с культурой саамов я был знаком довольно поверхностно. И ответа, достойного учителя, естественно, дать не мог. Помощь неожиданно пришла со стороны, во время одного из походов, которые были не редкостью для кружковцев. Один из мальчиков достал из рюкзака грабилку для сбора ягод, напоминающую по форме совок с прогнутым на внешнюю сторону дном. Сегодня промышленность выпускает металлические грабилки, которые на первый взгляд и удобнее, и практичнее, и легче самодельных. Но многие саамы упорно игнорируют эту продукцию, утверждая, и не без оснований, что сделанная из березового дерева совершенней, ягоды ею собирать проще.

Итак, в руках у меня была саамская грабилка, необычной резьбы и формы, украшенная типичным национальным узором. С нее все и началось.

По моей просьбе мальчик узнал у родителей, откуда грабилка. «Из Ловозера», — ответил он мне на следующий день. Стало ясно, что эта географическая точка лежит на меридиане будущих занятий кружка.

Беру билет до Ловозера.

У истоков

У знакомого, где я остановился, грабилки не было. Но мой интерес с лихвой был компенсирован образцами саамской вышивки на одежде. Со временем мне удалось найти несколько грабил, которые различались по форме, рисунку резьбы, всех их роднила давность исполнения. Возраст некоторых превышал сотни лет. Самые свежие делались 20—30 лет назад.

Изготовление грабилки для саама — важное событие. Предназначалась она на десятилетия и потому исполнялась с особой тщательностью. Почти на всех грабилках, начиная с 30-х годов, значатся инициалы мастера, год, а в некоторых случаях даже месяц изготовления. Мастер высоко ценит свой труд, гордится им, коль оставляет на инструменте свое имя.

Во многих домах я обнаружил прял-

ку. Причем складную. Причем резьба на ней ничем не уступала, даже была сложнее и интереснее, чем на грабилках. А на веретенах, которые мне удалось увидеть, грузик также был густо покрыт резьбой. Как во многих случаях и само веретено.

Вернувшись в Мончегорск, я увидел, что некоторые кружковцы, проявляя самостоятельность, начали лепить из пластилина олени и делать бумажную упряжь, украшая ее где-то виденным рисунком вышивки. Разгорелись споры о том, какой она должна быть, саамская вышивка.

Так непроизвольно определилась цель новой моей поездки — поиск орнаментов вышивки. Примеры, словно золотая россыпь, наполняли Ловозеро. Каждый служил ступенькой на лестнице постижения культуры народа.

Впрочем, многие предметы постоянно отвлекали от главной цели. Так, совершенство изготовления пуговицы навело на мысль о применении механизма станка. Старик саам, услышав это, улыбнулся и покачал отрицательно головой. «Покажу», — сказал.

Вернулся с ножом, взял в руки кусочек рога, и вскоре у него на ладони лежал предмет цилиндрической формы — пуговица.

— Вот и все, — заключил старый саам. «Да нет, — подумал я. — Это только начало. Нужно искать людей — мастеров художественной и материальной культуры народа».

О дальнейших поисках речь пойдет впереди. А пока следует сделать обобщенное отступление.

История сыграла не одну злую шутку, сохранив для нас великолепные образцы культуры народов мира и скрыв технологию их изготовления. Обидно это вдвойне. Во-первых, процесс изготовления предметов, красок, создания узоров само по себе искусство. Во-вторых, мы многое утратили с чисто практической точки зрения.

Жак-Ив Кусто, известный французский исследователь океана, отыскал образцы лака, который пролежал на дне века и сохранил при этом свежесть и колорит красок. Состав же лака и технология приготовления утеряны в тысячелетиях.

Некоторые секреты мастерства древних умельцев мы пока еще не в состоянии отыскать через старейшин народов. Но их становится все меньше и меньше. Вместе с ними уходит от нас последняя возможность проникнуть в тайну ремесла, поднятого на высоту искусства.

Дом на окраине

Кнопки звонка не было. Там, где она должна находиться, висел конец веревки. Я интуитивно дернул за него, и раздался звонок. Дверь открыл пожилой саам. Так началась моя первая встреча с Василием Прокофьевичем Коньковым из Полуозера. Таких встреч, уже во время работы в педагогическом институте, потом было немало.

Коньков, выслушав просьбу, молча кивнул и пригласил в дом. Ощущая на себе его недоверчивый взгляд, я пошел по коридо-

ру, одновременно наблюдая, куда тянется веревка звонка. И там, где она исчезла, обнаружил оленьи рога с подвешенным в них колокольчиком. Такие колокольчики оленеводы надевают на шею оленям, чтобы облегчить себе поиск.

— Вы делали?

Коньков еще раз молчаливо кивнул.

Разговор вязался нелегко. Для начала я спросил о кереже.

— А то как же, помню ее, — оживился собеседник. — Но вот сделать... Лодку, пожалуйста, а кережу не сумею.

— А кто может, знаете?

Коньков задумался. Помолчал минуту и твердо сказал:

— Нет. И навряд ли найдете такого человека.

И все же я понимал, что пришел не зря. Словно прочитав мои мысли, Коньков принес нож, о котором мне приходилось слышать и раньше. Достаточно было беглого осмотра, чтобы узнать его культурную принадлежность: характерные очертания лезвия, символическое изображение цветка на торце рукоятки, знакомый уже рисунок орнамента на ножнах. Но, пожалуй, не сам орнамент произвел на меня впечатление, а техника его исполнения. Это было тиснение на коже. До сих пор мне не удавалось встретить что-либо подобное. Получив разрешение хозяина зарисовать орнамент, я уселся за стол. Коньков наблюдал за мной с явным интересом. И вдруг засмеялся:

— Вы долго будете рисовать? Я лучше вам покажу, как это делается.

По его просьбе жена принесла кусок сыромятной кожи, намочила его в воде. Коньков тем временем обстругал небольшую палочку, придав ее окончанию четырехугольную форму. Затем положил перед собой кожу и, надавив быстрым движением, сделал на ней отпечаток.

— Вот и все.

Когда кожа высохла, на ней отчетливо проступило четырехугольное углубление. Коньков сказал:

— Так еще мой дед делал.

Этот кусок кожи я и сегодня достаю, когда вспоминаю первые встречи с Василием Прокофьевичем. Каждый раз Коньков открывал мне все новые и новые секреты мастерства саамских умельцев. То показывал, как делать самопрялку, наносить на нее резбу, то знакомил с манерой плетения, присущей саамам.

Однажды протянул мне поплавок из крученой бересты. Затем с хитрой усмешкой дал полоску такой же бересты и сказал: «Сделай». После долгих попыток я понял, что поступил опрометчиво, согласившись на предложение. Вокруг глаз Конькова сбежались веселые лучики.

— Ну еще раз попробуй.

Наконец смиловствовался. Взял у меня полоску, подошел к пышущей жаром печи и приблизил к огню бересту. Буквально на глазах она завилась в спираль. Коньков, смеясь, передал мне готовый поплавок.

Цвет и линия Севера

Особый интерес в творчестве каждого народа имеют оригинальность, своя харак-

терная манера исполнения. В этом плане представляет интерес саамский нож. Это с его помощью делается прорезная резбу на грабилках, резная деревянная посуда, роговой наконечник для хорей. Нож для мастера-саама заменяет и сверло и долото. Хотя было бы ошибочно сосредоточить все внимание только на этом инструменте. С неменьшим мастерством саамы владеют топором, которым способны выполнять даже очень тонкие работы. Мне удалось отыскать выюнный ящик, стенки которого были отесаны до 5-миллиметровой толщины.

У саамов существует ясно выраженное разделение творчества на мужское и женское: если резбу дело мужчин, то вышивка и шитье — занятие для женщин.

В традициях саамов — вышивка бисером. Насколько велико значение этого рода народного искусства, я убедился, изучив зависимость между рисунком резбу, тиснением и вышивкой. Вывод один: в вышивке сконцентрирована вся орнаментика прикладного мастерства. Это сокровищница национального рисунка.

Саамскую вышивку можно с уверенностью отнести к распространенной группе геометрических. Встречаются здесь и интонации других культур, например, ступенчатость белорусской вышивки. Но в основе — свой, неповторимый почерк исполнения. Например, петля.

Немало характерных особенностей и в самом процессе саамского шитья.

Во-первых, никогда перед началом работы мастерица не делает разметок, держа будущий узор в памяти или же имея перед собой его образец.

Во-вторых, вышивка всегда начинается с центра, и орнамент развивается уже относительно него, будучи таким образом к нему привязанным. Благодаря этому вышивальщица достигает пропорциональности, геометричности фигур, а также их оправданного расположения в пространстве.

Саамский орнамент представляет собой сложный композиционный рисунок с самостоятельно развернутой центральной частью и дополняющим ее смысловым обрамлением.

Итак, центр

Обычно в центре орнамента располагаются четыре бисеринки с заваленными краями. В результате получается рисунок, напоминающий цветок. Дальнейшее решение узора может быть многообразно. Возможен ромб, квадрат, овал. Особый интерес представляет вариант более сложной фигуры — многоугольника.

Тех, кому приходилось видеть саамский узор с таким элементом, поражала геометрическая точность исполнения фигур. А задача эта, нужно сказать, далеко не простая. Фигура может иметь семь, девять и более углов. В обнаруженных мною образцах основной круг насчитывает до 16 углов. В овальных более того — до 24. Если учесть при этом, что саамские вышивальщицы работают сразу набело, техника вышивки приобретает особый интерес.

...Как истинный мастер, гордящийся своим умением, Мария Антоновна, жена Конькова, не торопясь, взяла в руки нитку бисера... И оказалось, что ключ к секрету саамских умельцев составляет... счетная техника. Зная общее количество бисериннок на нитке, вышивальщица высчитывает, сколько их должно быть на повороте, загибе или переходе. Кстати, поскольку прием древен, как и сам орнамент, можно, видимо, говорить о хорошо развитых у саамов счетных навыках.

Еще одна приметная деталь: в процессе укладывания узора стежком прихватывается расстояние между каждой бисеринкой, причем не просто к сукну, а и к твердой, обычно войлочной, основе. Работа трудоемка, но образцы убеждают, что это правило было обязательным для всех мастериц. Таким способом сохранилась целостность орнамента. Даже если терялась, выпадала какая-то часть его, например би-

имеет большое художественное и практическое значение.

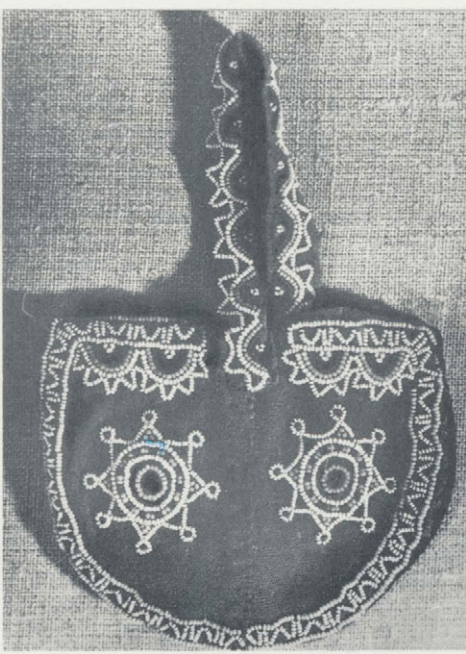
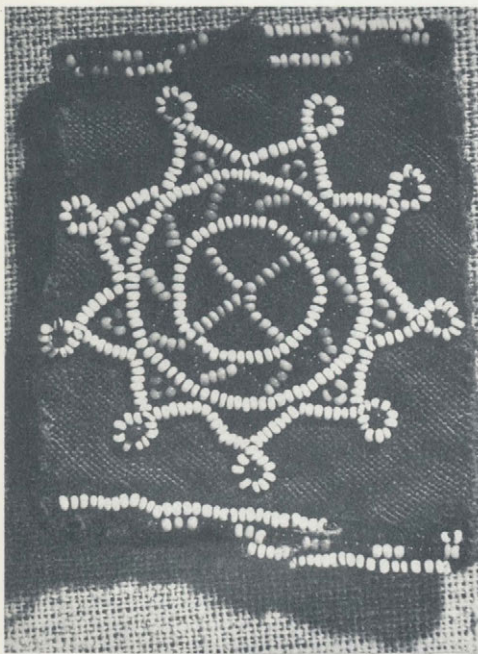
И тем острее воспринимается тот факт, что вышивка теряет почву в народе. Все меньше становится тех, кто мог бы передать свое мастерство молодым. Хотя я и немало встречал женщин, оставшихся верными этому искусству.

Находка

Три вещи долгое время занимали меня. Три таинства саамских мастеров ускользали на протяжении многих лет поиска.

Мне твердили и не раз: того, кто сумеет сделать кережу, вам не найти. Старые люди сокрушенно качали головами, с юношеским запалом объясняя ее удивительные свойства.

Интерес подогревался, а надежда с каждой поездкой по краю таяла. Очередной маршрут привел меня в Мураши. Как обыч-

Образцы саамской вышивки

сер, это не разрушало, не губило всего рисунка.

Твердо выдерживается и цветовая гамма орнамента. Сукно, на котором он выкладывается, берется только красного цвета. Бисер в основном в различных комбинациях белого, голубого и желтого. Встречается и синий. Эпизодически, так же как и перламутровый, зеленый. И что немаловажно, в узоре саамов отсутствует черный цвет. Нет его ни в одном из образцов. На него наложено вето.

Необычно просто и вместе с тем необычно искусно достигается в некоторых образцах эффект глубины. Трехрядное обрамление строится следующим образом: с внешней стороны крупный бисер, в середине — средний, на внутренний ряд шли мелкие бусинки. Словом, все убедительно подтверждает вывод о том, что это направление саамского народного творчества

но, узнав адреса, где живут саамы, я направился к одному из них.

— Осипов, — представился новый знакомый. Был он немногословен. На вопрос, что умеет делать, ответил коротко:

— Все умею.

И действительно, он плел корзины, сети, арканы, делал лодки.

Осипов вдруг вспомнил:

— Кережу делал.

— Кережу?

Трудно было поверить. Когда уже не оставалось надежд разгадать загадку, несбыточное сбылось.

Тут, впрочем, появилось сомнение. Последний раз Осипов делал кережу, когда ему было... 17 лет. В момент же нашей встречи — семь десятков. Осипов согласился рассказать технологию ее изготовления. Чтобы было понятнее, предложил сделать модель. Мы вместе с ним собрали тут же

рядом с домом бросовые ветви рябины и приступили к делу. В результате получилось лодкообразное средство для езды с одним оленем в упряжке. К сожалению, Осипов несколько ошибся в размерах кережи. Но это оказалось поправимо. Как раз в то время в Мурманском краеведческом музее появилась настоящая кережа. Обмерив ее, мы со студентом тогда второго курса нашего института Александром Ливеруком получили искомые данные.

Некоторое время не было ясно назначение нескольких отверстий по верхней части бортов кережи, однако с помощью старожил выяснилось, что через эти отверстия продевался плетеный кожаный ремень, которым ездок привязывался к повозке, чтобы не выпасть во время путешествия.

Возможно, последнее покажется странным, но тут надо вспомнить удивительное свойство кережи, о котором нам рассказывали старики. Во время движения кережа практически не могла перевернуться, хотя довольно сильно нагибалась на поворотах и при объезде возвышенностей. Если же учесть, что ее длина и ширина соответствуют средним размерам оленя, то можно понять, что при езде по лесу, когда приходилось маневрировать между деревьями, такое средство передвижения было очень практично и удобно, особенно если ездок не забывал позаботиться о своей безопасности.

Причина исчезновения кережи, вероятно, вызвана сложностью ее изготовления. И когда рядом оказался более простой образец, такой, как нарты коми-ижемцев, выбор оказался не в ее пользу. К тому же в кереже мог ехать только один человек.

Тут следует заметить, что окончательно уточнить способ управления оленем и вид упряжи помогла старая иллюстрация Харузина, которая выставлена тоже в областном краеведческом музее.

Нашлись энтузиасты кережи в институте, где я сейчас преподаю, а Александр Ливерук изготовил ее самостоятельно.

Модель, сделанная с помощью Осипова, и сегодня стоит у меня дома, но когда я смотрю на нее, то думаю совсем не об успешном завершении поиска.

Если в народе забывают о том, что представляет его национальную гордость, — это уже явный сигнал тревоги. Тем более что пример кережи не исключителен. Долго мне пришлось искать человека, который сумел бы раскроить каньги и шамшур. Человеком этим оказалась Анна Александровна Галкина из Ловозера. До Конькова ни один из тех, с кем приходилось встречаться, не мог показать, как делалась в свое время вежа, второй вид жилища саамов.

Тут, естественно, закономерен вопрос: нужно ли нам, современным людям, знать технологию производства ушедших из широкого обихода вещей? Не призываем ли мы к созданию этнографических моделей, жизнь которых стеснена, как правило, рамками музейных экспозиций?

Нет, конечно. И кережа, и каньги, и вежа неотделимы от общей культуры народа, это глубинные течения ее, корни,

питающие дерево. Восстановить характерность приемов древних саамских мастеров важно потому, что они — основа развития художественных традиций в национальных саамских ремеслах. Без этой основы успех возрождения прикладного искусства народа просто недостижим.

Мы же, к сожалению, чрезвычайно много уповаем на самобытность народного творчества, прикрывая бездеятельность свою оправданием: оно и так переживет века.

А может быть, достаточно уже уповать на самовывживание? Или, может быть, все-таки хватит и того, что народное творчество сохранило свою самобытность, немало донесло до наших дней? Немало, правда, и растеряв на дороге истории... Пора, наконец, обеспечить ему всестороннюю поддержку.

Закон сохранения

Забвение художественных традиций народа ставит нас рано или поздно в довольно неприятное положение.

На Ловозерском участке фабрики «Кольский сувенир» работает немало людей, которые с детства впитали своеобразие своей национальной культуры. Эти мастера в состоянии повторять в различных вариациях предметы обихода, одежду, украшения, имеющие за собой сотни лет совершенствования. И в то же время они вынуждены день ото дня заниматься однообразной работой — ремесленничеством в худшем смысле этого слова, изготавливать упрощенный до обезлички ассортимент предприятия — тапки, бурки, кулоны...

Я знаю девушек, которые бы и рады работать в «Кольском сувенире», но их останавливает отсутствие возможности творчества...

Глядя на бесцветную унылую продукцию фабрики, якобы основанную на традициях саамского искусства, невольно думаешь: не слишком ли часто происходит подмена истинных ценностей художественной культуры народа? Не слишком ли спокойно наблюдаем мы, как корни пересыхают на ветру времени?

В одной из своих поездок я познакомился со старушкой, которая никогда не рисовала прежде. Сейчас она взялась за карандаш и рисует оленя на бумаге, потом разрезает лист и получает объемного оленя на четырех ногах. Затем делает для него также из бумаги всю упряжь, нарты или кережу, запрягает оленя и, насыпав в пространство двойных окон немного ягеля, ставит туда.

Грустно это. Это бессилие перед временем. Это ностальгия человека, который лишен привычного дела...

Их много, таких стариков и старух, которые на финише своей жизни еще хранят огонь своей национальной культуры. И пока что много...

Каковы же пути сохранения культуры маленького северного народа?

Думаю об этом, я невольно вспоминаю всех народных умельцев, с которыми довелось встретиться...

Мария Ивановна Захарова из Ловозера. Ее руки делают прекрасные современные сумки на основе саамской сумки-кисы. Делает она их, конечно, только для родственников. А между тем такие изделия, такого уровня исполнения, могли бы, несомненно, стать одними из наиболее прибыльных для того же «Кольского сувенира».

Ольга Поликарповна Сорванова — тоже ловозерка. Взяв обычную подстилку, которую саамы клали на пол чума, используя национальные мотивы меховых узоров, она создает великолепные по художественной выразительности ковры. О таких коврах я слышал ранее, и не однажды. Так что это новое явление, рожденное в семьях саамов, заслуживает самого серьезного внимания как с художественной, так и с промышленной точки зрения.

Эмилия Константиновна Добрынина — воспитатель в ловозерском детском саду. Богатейшая коллекция образцов народной вышивки, которую она собрала, доступна детям. Именно с них воспитанники детского сада начинают постигать красоту национальной культуры.

Переоценить значение шага, сделанного Добрыниной, трудно. Она не ограничивается обучением детей основам художественного творчества. Чтение народных саамских сказок, разучивание песен на родном языке органично дополняют и делают целостным процесс воспитания гордости за свою национальную принадлежность.

В Ловозере же работает и Мария Алексеевна Попова, руководитель кружка национальных изделий Дома пионеров. Здесь задача ставится более сложная. Девочки изучают уже технику исполнения вышивки бисером. Образцами и наглядными пособиями для них служат все те же узоры, созданные десятилетия назад и сохраненные бережно в семьях саамов.

В этот же ряд можно поставить и кружок юных оленеводов, который вел покойный Павел Поликарпович Юрьев. Поскольку в кружке занимаются мальчики, это определяет направление их интересов: резьба, изготовление бытовых предметов, упряжи. В свое время в этом кружке по

инициативе руководителя была сделана попытка возродить керезу, правда, неудачная. Конечный результат не соответствовал оригиналу, что само по себе закономерно. Технология изготовления керезы была неизвестна.

К сожалению, примеры, которые здесь приведены, единичны. Держатся все эти начинания только на инициативе энтузиастов. Молодежь же в большинстве своем отходит постепенно от национальной культуры. Чтобы противостоять этому, требуется сильное средство. Такое, например, как художественное училище в Ловозере, о необходимости которого говорят уже несколько лет.

И — пока безрезультатно. При этом программа училища должна строиться на изучении культуры всех народов, проживающих ныне на Кольском полуострове. Здесь и своеобразная, отличающаяся от других народов страны культура русских поморов, коми-ижемцев, ненцев.

Сегодня об искусстве поморов мы можем судить лишь по выступлениям народного хора и редким выставкам игрушки из теста, лучины, дерева. А ведь есть еще такие виды поморских ремесел, как узорное вязание, браное, ремезное ткачество, плетение из бересты, корня, обработка кожи, резьба и роспись по дереву. Исключительный интерес представляет русская поморская вышивка.

Старые люди еще сохраняют мастерство узорного вязания чулок, рукавиц, шитья меховых изделий. Кстати, в литературе, посвященной искусству народов коми, о кольской провинции ничего нет. Можно сказать, что изучение культуры кольских коми началось в 1982 году, и только фольклора (в июне работала экспедиция из Сыктывкара).

Так получается, что народное искусство Кольского Заполярья остается неизученным и, что самое грустное, — не имеет четко обозначенной перспективы развития. С открытием училища мы получили бы возможность готовить профессионалов, которые могут стать действительными проводниками в жизнь национальных искусств народов Севера.

